

ЗОЛОТОЕ РУНО

*La Toison
d'Or*

N : 1

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Художественный отдѣлъ.

ОБЗОРЪ ВЫСТАВОКЪ.	Стр.
48 снимковъ съ картинъ выставокъ „Союзъ русскихъ художниковъ“, „Вѣнокъ“ и „Посмертная выставка К. А. Савицкаго“	5—30
ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Павелъ Кузнецовъ: „Сборь винограда“ (автотипъ duplex); 2) В. Сѣровъ: „Портретъ“ г-жи Гиршманъ (автотипъ duplex); 3) С. В. Малютинъ: „Ярмарка“ (фототипія); 4) К. А. Сомовъ: „Портретъ Александра Блока“ (четырехцвѣтная репродукція).	
Виньетки: С. Клюшникова (41, 43), В. Миліоти (60), М. Сарянина (76), Н. Сапунова (37), Силина (53), Г. Якулова (70), Федотова (31, 40).	
Обложка: рисунокъ М. А. Врубеля, виньетка и надпись Е. Е. Лансере.	
Заглавный листъ художественной части— С. Клюшникова.	

Музыка.

Н. Метнеръ. „Романсъ на слова Андрея Бѣлаго“.	
---	--

Литературно-философскій отдѣлъ.

1. Александръ Блокъ, „За гранью прошлыхъ дней“, стихи	31
2. А. Ремизовъ, 3 новеллы	41
3. Кондратьевъ, „Фамириды“, повѣсть . .	44
4. К. Д. Бальмонтъ, Твардовскій, „Тайна вечной юности“, статья	54
5. Георгій Чулковъ, „Разоблаченная магія“, статья	61
6. Вольфингъ, „Нюренбергскіе майстерзингеры“, статья	65
7. Д. Философовъ, „Тоже тенденція“, ст. .	71
8. Сергій Аусландеръ, „Письмо изъ Петербурга“	77
9. Федоръ Сологубъ. „Мечта Донъ-Кіхота“, стат.	79

Хроника искусствъ.

1. Петербургская хроника	81
2. Муратовъ. „Старое и молодое на послѣднихъ выставкахъ“	87
3. Воротниковъ. „Жизнь человѣка“ въ художественномъ театре	91
4. Московская музыкальная хроника	91
5. В. М—ти „О Союзѣ“	94
6. Вѣсти отовсюду	96
ОТЪ РЕДАКЦІИ.	
ОБЪЯВЛЕНИЯ.	

№ 1.

SOMMAIRE.

Partie artistique.

REVUE DES EXPOSITIONS. Pages.

48 reproductions des tableaux des expositions de „l'Union des peintres russes“, du „Stephanos“, et de „l'Exposition posthume de C. A. Savitsky“	5—30
---	------

SUPPLÉMENTS: I) Paul Kouznetzov: „Vendange“ (autotype duplex); 2) V. Sérôv: „Portrait de M-me Hirschmann“ (autotype duplex); 3) C. Malutine: „Foire“ (phototypie), 4) C. Somov: „Portrait d'Alexandre Blok“ (reproduction en 4 couleurs).	
--	--

Vignettes: de C. Kluchnikoff (41, 43), B. Milioti (60), M. Sarian (76), N. Sapounov (37), Siline (53), G. Jakoulov (70), Fédotov (31, 40).	
--	--

Couverture: dessin de M. A. Wroubel, vignette et inscription de E. E. Lanceré. Marque de E. E. Lanceré. Entête de la partie artistique de S. Kluchnikoff.	
---	--

Musique.

N. Medtner, „Romance sur les paroles d'André Biély“	
---	--

Partie littéraire et philosophique.

1. Alexandre Blok, „Au seuil des jours passés“ poésies	31
2. A. Rémisov, 3 nouvelles	41
3. A. Kondratiev, „Thamyride“, récit . . .	44
4. C. D. Balmont, Twardowski, „Le mystère de la jeunesse éternelle“	54
5. Georges Tchoulkoff, „Une magie dévoilée“, article	61
6. Wolfgang, „Les maîtres-chanteurs de Nuremberg“, article	65
7. D. Philosophov, „Une tendance masquée“. 71	
8. Serge Ausländer, „Lettre de Pétersbourg“	77
9. Théodore Solohoub, „Le rêve de Don-Quichotte“, art	79

Chronique des arts.

1. Chronique de Pétersbourg	81
2. Mouratov, „Éléments nouveaux et vieillis dans les dernières expositions“	87
3. A. Vorotnikov, „La vie de l'homme au „Théâtre artistique“	91
4. Chronique musicale de Moscou	91
5. B. M—ti. „A propos de l'exposition de l'Union“.	94
6. Nouvelles de partout	96

AVIS DE LA REDACTION.

ANNONCES.

Т В А Р Д О В С К И Й.

ТАЙНА ВѢЧНОЙ ЮНОСТИ.

Можетъ ли быть что-нибудь красивѣе утренней юности? О ней думали свѣтлые боги, когда они глядѣли на прогалину Апрѣля, и отъ ихъ взглядовъ расцвѣтали голубые цветы. Оттого у юности свѣтлые глаза. Юность есть дѣтство, и дѣтство есть юность. Они встрѣтились въ солнечный день на берегу лѣсного затона, взглянули другъ на друга, и въ глубокомъ затонѣ ихъ отраженія слились. Юность сливается съ дѣтствомъ, дѣтство переходитъ въ юность, какъ Апрѣль переходитъ въ Май и отъ него неотдѣлимъ, и какъ цѣлюющійся сливается съ тѣмъ, кого онъ цѣлуетъ, или какъ нѣжные звуны лютни сливаются лунно съ трепетаньями флейты. Домысломъ тайной мечты, которая сама себя не видитъ, дѣтство, быть можетъ, ближе къ величимъ запредѣльнымъ родникамъ, откуда въ нашу жизнь безпрерывно вливается свѣтъ нездѣшній, какъ сіянье алебастра, который просвѣчиваетъ, а юность досягаетъ посвященности въ таинство страсти, въ сладкій ужасъ и восторгъ наслажденія. Но страсть уже дышить и въ ребенкѣ, когда онъ тонкимъ молоточкомъ стучится подъ материнскими сердцемъ, и домыслъ тайной мечты не покидаетъ юношу, когда онъ внезапнымъ пощѣлумъ вызываетъ на дѣвическомъ лицѣ страстный румянецъ или смертельную блѣдность. Величайшее счастье—быть ребенкомъ всегда и всегда быть юношей, это не только счастье, но единственное достоинство.

Это слово мое знаютъ тѣ, которые любятъ, тѣ, чья кровь создаетъ багряные и алые пожары въ горницахъ души, сжигая—не сжигая ихъ. Уходя отъ тайны, входить въ другую, быть предназначеннымъ для посвященія, и потому вступить въ уносящія волны таинства, гдѣ пловецъ отъ волнъ переходитъ къ волнѣ, и гдѣ волны, качая, не топятъ его, пока онъ достоинъ волнъ. А волна измѣнила—и волна измѣняетъ,—измѣнить она и измѣнится. Тутъ—все разказано быть не можетъ. Довольно лишьбросить указующій знакъ.

Звѣзды—нѣкоторыхъ любятъ, и при ихъ рожденіи осуществляютъ необманный гороскопъ. Человѣкъ, звѣздой отмѣченный и къ высокой звѣздности предназначенный, не мирится съ человѣческимъ—слишкомъ человѣческимъ, онъ хочетъ большаго, предѣльного, достовѣрного, и, силою своей воли, переносить въ ограниченную жизнь безграничность, измѣняетъ условия времени и пространства, перепутываетъ возрасты, не перепутываетъ, а играетъ ими всѣми, какъ играетъ искусный игрокъ на всѣхъ струнахъ, останавливаясь на той, которая ему желаннѣе, столько, сколько ему захочется. Такой звѣздоокій можетъ вступить въ союзъ съ свѣтлоглазыми Стихійными геніями, можетъ заключить союзъ и съ темноглазыми Стихійными, но разъ онъ вносить въ такой союзъ душу свою цѣликомъ, высшее Око это увидить, и онъ не погибнетъ ни въ медлительной полноводной рѣкѣ, текущей между мирныхъ береговъ, ни въ кипящихъ вспѣненныхъ волнахъ горнаго потока, любящаго острые выступы, изломы и паденья съ утесовъ.

Среди такихъ звѣздоокихъ вспомнимъ Лигейю, которую видѣлъ и узналъ Эдгаръ По. Не только старость она побѣдила, но смерть. Черезъ недугъ, который какъ будто являясь великимъ пораженiemъ, она избѣгнула возможности старости, и, окутавшись въ страшныя, Ассирійски-прекрасныя, чары колдовства, явилась къ любимому для новой, для вѣчно-той же, но для новой любви.

Къ иному еще лицу обращается сейчасъ моя мысль, когда я заговорилъ о тайнѣ Вѣчной Юности. Минѣ видится онъ, герой, созданный народной Польской фантазіей, Твардовскій, чье имя есть лозунгъ. Глядываясь въ лицо Польского волшебника, какимъ оно предстаетъ не въ литературныхъ его портретахъ, а именно въ народныхъ преданіяхъ, видишь изумительно много говорящихъ недоговоренностей. Я беру три народныя Польскія сказанія, и воспроизвожу ихъ съ соблюдениемъ всѣхъ подробностей, быть можетъ, лишь невольно подчеркивая ту или иную черту.

Заглянемъ въ тайную зеркальность, и припомнимъ прежде всего, что, какъ создатель магическихъ видѣній, знавшій Лигейю, и польский волшебникъ, конечно, любилъ зеркало и умѣлъ черезъ него достигать запретностей. Чего именно и сколькаго, кто жъ это можетъ узнать и высчитать? Вотъ легенда.

ЗЕРКАЛО ТВАРДОВСКАГО.

Въ Венгрии, въ старомъ костелѣ приходскомъ,
Въ ризницѣ плоское зеркало есть,
Изъ металла блистательно-бѣлаго,
Зеркало это—высокое,
Зеркало кругло-широкое,
Съ малымъ уклономъ отъ круга—въ длину,
Граненое все по краямъ,
Въ старосвѣтской широкой и черной оправѣ,
Прозрачное, словно затонѣ,
Ни пятна, лишь внизу вкось прошедшая трещина.
Юноши въ зеркалѣ этомъ видали
Множество ликовъ,—манили одни,
Но въ недоступную глубь уходили,
Пугали другіе, страшили другіе,
И словно изъ рамы они выступали,
И словно какъ змѣи срывались внизъ,
И юноши въ страхѣ бросали камнями,
Но зеркалу камень не могъ повредить,
Одинъ догадался—и связкою бросилъ
Церковныхъ ключей,
И трещина вкось пробѣжала узоромъ,
Который для призраковъ былъ какъ замокъ.
Тѣмъ зеркаломъ, много въ себѣ затаившимъ,
Когда-то владѣлъ чернокнижникъ Твардовскій,
На рамѣ доселѣ виднѣется надпись:
„Twardovius Magicus“,—что-то еще,
Но буквы не полны, отъ времени стерлись.
Высоко то зеркало тамъ надъ дверями,
Дабы не страшило глядящихъ въ него.
Когда облачаются ксендзы для мессы,
Нельзя имъ глядѣть въ это зеркало, ибо
Тамъ Дьяволъ всегда сторожитъ.

Ксендзы не могли смотрѣть въ это зеркало, и имъ нельзя въ него глядѣть, когда они облачаются для свершения святой мессы, ибо, молящейся уже внѣ жизни, и не долженъ на нее глядѣть, а чарующее яйцевидное зеркало овальнымъ ликомъ своимъ уводить мечту къ жизни, въ которой царствуетъ Демонъ, отвлекающій душу отъ самой себя, ибо проводить передъ ней миллионы масокъ. У человѣческой души, какъ любили повторять испанскіе мистики, три врага: Demonio mundo, у carne, Дьяволъ, мѣрское, и плоть. Скажемъ по-нашему: жизнь. И мы знаемъ въ точности, что зеркало Твардовскаго было 22 дюйма въ длину и 19 въ ширину. То-есть числовая сумма этихъ начертаній равняется 41, то-есть равняется 5. Число 5 символизуетъ наши чувства, а наше человѣческое я, въ человѣческой своей полнотѣ, начинается тамъ, где ликуютъ свой праздникъ эти смутившие 5. И на видъ это зеркало — плоское, но глубина въ немъ неисчерпаемая, способная создать столько ликовъ, сколько назначить мечта, то-есть безконечность ихъ. Это зеркало—высокое. Въ низость ли будетъ смотрѣться Твардовскій. И оно—по краямъ граненое, ибо, доходя до края, до предѣльности чего бы то ни было, Твардовскій смотрѣть, что же дальше, и въ красивой своей человѣческой гордости дѣлается кинжално-острымъ. Оно не могло не быть въ широкой оправѣ и въ оправѣ черной. Чернокнижникъ любить Солнце и золото, но, не будучи ни однорукимъ, ни однозвучнымъ, онъ знаетъ и правое и лѣвое, онъ причащается и свѣта и тьмы. Широта этой оправы говорить о степной волѣ крылатой души неугомоннаго бродяги, и всѣ эти знаки и признаки — словно звѣзды, отразившіяся въ черномъ щитѣ. А ужъ если къ зеркалу жизни прикоснулись грубо церковные ключи,—какъ не пройти вкось, трещинѣ?

Твардовский, чтобы превысить человеческое, совершил то, что задолго до него свершил Киприанъ Антioхийский, начальный предокъ христiанскихъ однозвучниковъ, возжелавшихъ быть въ двойственной полнотѣ: онъ заключилъ формальный договоръ съ Дьяволомъ. Это было знакомо и Английскому поэту, Кристоферу Марло, заколотому чужой, но какъ бы собственной рукой, и безвѣстнымъ создателямъ германской легенды о Faustъ. Но вопреки пониманию Марло и германской легенды, Твардовский, какъ Киприанъ, познаетъ — и притомъ безъ воздѣйствующей помощи Юстины или иного „Христова ягненочка“—освободительную силу „крещеня слезами“.

Но возьмемъ самое преданіе о Твардовскомъ.

ТВАРДОВСКІЙ.

Твардовский добрый шляхтичъ быль, съ обоихъ
Концовъ семьи: кудели и меча.
Хотѣль умомъ сильнѣе быть, чѣмъ люди,
И снадобье хотѣль найти отъ смерти,
Затѣмъ что умирать онъ не хотѣль.

Начетчикъ въ старыхъ книгахъ, прочиталь онъ,
Какъ можно вызвать Дьявола, и въ полночь,
Подъ Krakowомъ, вступиль съ нимъ въ договоръ,
Гдѣ выставилъ, въ числѣ другихъ, условье,
Что до тѣхъ поръ ни къ тѣлу, ни къ душѣ
Не можетъ сила ада подступиться,
Пока не будетъ въ Римѣ схваченъ онъ.
Засимъ—услуги Дьявола. Безъ счета.
Все серебро, какое было въ Польшѣ,
Онъ въ мѣсто снесъ одно, пескомъ засыпалъ,
Отсюда—Олькушъ съ славнымъ рудникомъ.
Чего бы только ни хотѣль Твардовскій,
Онъ все имѣль, лишь вымолви желанье.
Нарисовавъ коня, на немъ скакаль;
Леталь безъ крылья по воздуху высоко;
По водамъ Вислы съ милой плаваль противъ
Теченя, безъ весла и безъ вѣтриль;
По прихоти своей капризной воли
На груды горъ онъ горы громоздиль;
И въ ночь одну выкапываль озера;
Когда хотѣль жениться, тайну панны
Отъ пчелки златокрылой онъ узналь;
Смѣялся надъ людьми, порой—лѣчиль ихъ,
Дурачиль ихъ, предназначаль по волѣ—
Того женить, а этихъ разженить;
О золотѣ и говорить не нужно,—
Оно съ нимъ было, какъ съ волной песокъ.

Однажды, безъ приборовъ чернокнижныхъ,
Зашель въ глухой онъ боръ, и думаль тамъ.
Задумался глубоко онъ. Вдругъ—Дьяволъ.
Предсталъ, глядить, и глухо молвилъ: Въ Римъ.
Разгнѣванный, заклять его Твардовскій,
Злой духъ отъ чернокнижника бѣжалъ,
Зубами скрежеща въ безсильной злобѣ,
Но, убѣгая вырвалъ онъ сосну,
Въ Твардовскаго съ размаху ей швырнуль онъ,
И быль съ минуты той Твардовскій хромъ.

Притомъ, какъ чернокнижникъ ни былъ счастливъ
Отъ всѣхъ причудъ, которыя исчерпалъ,
Такъ Дьявола возможно ль усыпить
Какой-то причиненной хромотою!

Къ Твардовскому приходитъ дворянинъ
И молить: „Дай лѣкарства. Панъ вельможный
Внезапно занемогъ. Приди, спаси,
Вѣдь ты одинъ“. Твардовскій—въ Сандомирскомъ,
Въ корчмѣ, гдѣ слегъ и ждетъ вельможный панъ,
Чуть только перешелъ порогъ Твардовскій,
На крышу сѣли вороны кругомъ,
Закаркали. И понялъ чернокнижникъ,
Что тутъ случилось что-то внѣ разсчета.
Онъ быстро къ колыбели подошелъ,
Гдѣ былъ ребенокъ, только что крещеный,
И на руки береть его. А Дьяволъ
Ужъ тутъ какъ тутъ, и говорить: „Ты—мой“.
— Я твой?— „Мы въ Римѣ“. — „Это что за бредни?“
— Кормча, въ которой ты, зовется Римъ“.
Подъяты когти Дьявола, но сила
Ребенка, освященного крещенемъ,
Ему—стѣна. Чрезъ стѣну ходять мыши.
Онъ говоритъ: „Послушай, ты вѣдь шляхтичъ.
Такъ значить знаешь, verbum nobile
И stabile, конечно, debet esse.
Твардовскій, видя, что никакъ нельзя
Шляхетское нарушить обѣщанье,
Ребенка въ колыбель вернуль. А самъ
Съ товарищемъ черезъ каминъ промчался.

Воронье стадо грязнуло привѣтомъ.

Летятъ, летятъ, все выше надъ Землей,
Твардовскій смотрѣть внизъ, и видѣть Krakovъ,
Отъ боли сердце сжалось у него,
Все, что любилъ, онъ тамъ внизу оставилъ.
Въ немъ встали чувства лѣтъ первоначальныхъ,
И дѣтскую молитву онъ запѣлъ,
Свой стихъ, что спѣлъ когда-то въ честь Marii.
Чуть кончилъ пѣснь, онъ видѣть, изумленный,
Что въ воздухѣ недвижно онъ висить.
Взглянуль—его товарищъ странствій скрылся,
Лишь мощный голосъ слышить надъ собой:
„Повисши такъ, до дня Суда здѣсь будешь“.

И вотъ, когда заходитъ полный мѣсяцъ,
На немъ намъ видно черное пятно:
Твардовскій во плоти, который будетъ
Тамъ въ воздухѣ висѣть до дня Суда.

При бѣгломъ взглядѣ выходить такъ, что Твардовскій осужденъ былъ на длительный ужасъ оторванности отъ Земли, его постигло проклятие—вѣчно висѣть въ воздухѣ, а потомъ еще ждеть Страшный Судъ. И такъ, конечно, чернокнижникъ осужденъ. Однако. Посмотримъ на все это и такъ и сякъ. Поляки—народъ болѣе тонкий и хитрый, скажемъ, Нѣмцы. Нѣть ли тутъ какого-нибудь изящнаго

лукавства и омытой слезами проникновенности, на которую способна лишь католическая душа?

Полагаю, что есть.

Твардовский вступил въ договоръ съ Дьяволомъ потому, что онъ хотѣлъ быть сильнѣе, чѣмъ люди, и не хотѣлъ смерти. Это не такъ ужъ мелко. Себялюбье здѣсь не спускается до узкости своекорыстья. Ребенокъ хочетъ каждый день праздника, юноша не можетъ не хотѣть непрерывности наслажденія. Желать быть сильнѣе людей—не преступленіе, а великое дѣяніе, ибо люди низки и ничтожны, и желать быть сильнѣе ихъ—значить желать быть воистину человѣкомъ, звѣдоокимъ человѣкомъ. И смерть есть проклятие. Желать не вступать въ водоворотъ проклятия не есть ли гордая стройность человѣка, который, идя по скользкому льду, имѣеть спокойную рѣшимость не опрокидываться? Переходя отъ панорамы къ панорамѣ, Твардовский былъ ребенкомъ, и не переставалъ быть юношей. Въ этомъ его оправданіе, если еще нужно оправдываться, когда прощель черезъ ужасъ, гибель и сладость дѣтскихъ слезъ, какими Дьяволъ не сможетъ заплакать, хотя бы даже захотѣлъ? Когда жалкій обманщикъ, Дьяволъ, уловляетъ его въ западнѣ и говорить: „Благородное слово должно быть твердо“—Твардовскій, вмѣсто того, чтобы пускаться съ нимъ въ казуистической препирательства, подтверждаетъ свое слово—и смѣло пускается съ Дьяволомъ въ неизвѣстность, въ свирѣпые ужасы всѣхъ возможностей Ада. Дьяволъ формально былъ правъ, но когда безпристрастное Око видѣтъ, что во время дѣтской игры одинъ ребенокъ говорить другому: „слѣдай это, иначе ты лгунъ“, и обвиняемый ребенокъ смѣло опровергаетъ обвиненіе не замѣчая даже, что передъ обманщикомъ не оправдываются и что обманщикъ даже дозволительно обмануть,—это безпристрастное Око посылаетъ незримый зачарованный взглядъ, которымъ уничтожается жалкій слгазъ Дьявола.

Дьяволъ получилъ власть умчать Твардовскаго, но онъ влечетъ его не внизъ, а вверхъ. И чѣмъ выше Дьяволъ его уносить, тѣмъ ближе Твардовскій къ благословенному крещенію слезами, къ этой поразительно-трогательной возможности—запѣть въ высотѣ дѣтскую пѣсню любви, молитву младенческой вѣры. Чей былъ этотъ мощный голосъ, воскликнувшій: „Повисши такъ, до дня Суда здѣсь будешь“. Быть можетъ, голосъ оттуда, гдѣ Око? Но тогда Твардовскій, уже осужденный висѣть въ воздухѣ, осужденъ, уже присужденъ къ карѣ, и въ день Великаго Суда, конечно, будетъ оправданъ, ибо правосудіе Божеское не есть судъ человѣческій, или Дьявольскій, и дважды оно не наказуетъ за одну и ту же вину. А не есть ли даже этотъ возгласъ—отображеній вопль Дьявола, который безъ Твардовскаго могъ еще нѣсколько взнести по параболѣ, чтобы грузно свергнуться въ свою преисподнюю, въ безсильной ярости на то, что простодушный чернокнижникъ въ концѣ-концовъ обманулъ его своимъ прямымъ простодушемъ. Безъ лжи обманулъ, какъ и нужно.

И еще. Какимъ былъ Твардовскій, когда онъ такъ повисъ? Объ этомъ говорить третья легенда, третій узоръ прихотливой Польской мечты.

ВѢЧНАЯ ЮНОСТЬ ТВАРДОВСКАГО.

Всю жизнь свою придумывалъ Твардовскій,
Какъ ускользнуть отъ смерти. И нашелъ.
За нѣсколько годовъ предъ тѣмъ какъ Дьяволъ
Его унесъ,
Онъ вѣрному велѣль ученику
Себя разсѣчь, и разсказать подробнѣ,
Какъ дальше поступить. Разнесся слухъ,
Что умеръ чернокнижникъ. Былъ Твардовскій,
И нѣть его. А ученикъ межъ тѣмъ
Его разсѣкъ и приготовилъ зелья,
Облилъ куски вскипѣвшимъ сокомъ травъ,
И въ землю склонилъ наоборотъ ихъ,
И не въ оградѣ, а передъ оградой.

Твардовский поручил ему, чтобы онъ
Не прикасался къ тѣмъ кускамъ три года,
Семь мѣсяцевъ, семь дней и семь часовъ.
И ученикъ все въ точности исполнилъ.

Одинъ пришелъ онъ въ полночь въ новолуние,
И семь свѣчей изъ жира мертвца
Зажегъ передъ оградой, сбросилъ землю,
Прогнившую сорвалъ онъ съ гроба крышку,—
Какое чудо! Больше нѣтъ останковъ,—
Гдѣ саванъ былъ, фіалки тамъ цвѣтутъ,
Съ пахучею травою богословской.
На этой муравѣ дитя лежало,
Обѣятое дремотой, и въ чергахъ
Обличіе Твардовского являя.
Онъ взялъ ребенка и принесъ въ свой домъ.
За ночь одну возрость онъ какъ бы за годъ,
Семь дней прошло—и онъ ужъ обо всемъ
Такъ говорилъ, какъ говоритъ Твардовский.
Въ семь мѣсяцевъ онъ юношою сталъ.

Тогда-то обновившійся Твардовский
Въ искусствѣ чернокнижномъ сталь работать.
Онъ щедро наградилъ ученика,
Однако же, чтобы тайна возрожденія
Не разгласилась, онъ его заклялъ,
И сталь тотъ паукомъ. Его держалъ онъ
Въ своихъ покояхъ въ добромъ попеченьи.

Когда потомъ Твардовский изъ корчмы
Бѣсами унесенъ былъ въ вышній воздухъ,
Паукъ, что пріцѣпился паутинкой
Къ его одеждѣ, вмѣстѣ съ нимъ повисъ.
Паукъ ему товарищемъ остался,
На нити онъ спускается къ землѣ,
Глядить, чтѣ тамъ, взирается къ высотамъ,
Надъ ухомъ у Твардовского присядѣтъ
И говоритъ, что видѣлъ онъ, что слышалъ,
Чтобы Твардовский очень не скучалъ.

И такъ, когда Твардовский былъ унесенъ Дьяволомъ, онъ имѣлъ лицъ юноши, онъ былъ юношей. Надъ юностью боги блудутъ. Твардовский, не боявшійся ничего, не побоялся и таинства того самоуничтоженія, черезъ которое проходятъ посвященные. Онъ не только зналъ тайны чернокнижія, но еще свѣтлый талисманъ имѣлъ—безконечность довѣрія одной человѣческой души къ другой. Вѣдь ученикъ-то могъ солгать, забыть, измѣнить. Не такъ ли? А онъ повѣрилъ. И силой своего довѣрія осуществилъ возможность того, что ученикъ не обманулъ, и не ошибся. Пожалуй, безконечность довѣрія Твардовского и безконечность любви ученика къ своему учителю создали магический кругъ, въ который не заглянули, во все теченіе должностаго срока, ни глазъ человѣка, ни глазъ Дьявола, ни болѣзнь, ни ошибка, ни смерть, или все заглянуло не разъ, чтобы каждый разъ быть побѣжденнымъ. Троекратный круговоротъ человѣческаго года пропѣлъ свою тріаду, похоронную балладу дней надъ изношеннымъ тѣломъ, рѣшившимъ черезъ смѣлую чару достигнуть вѣчной юности.

И священная семикратность свершила осуществленіе желанія, которое умѣло быть безпредѣльнымъ. Смертию смерть. Гроба нѣтъ. Гдѣ былъ саванъ, тамъ фіалки. Цвѣтокъ предѣльный по цвѣту и дѣтскій, столь дѣтскій по нѣжному духу своему. Ученикъ былъ превращенъ въ паука, ибо, когда таинство окончилось, въ ученикѣ

опять проснулось человѣческое—человѣка, еще не достигшаго предѣльностей. Но, какъ паукъ, сплетающій вѣчныя паутинки подъ серебрянымъ свѣтомъ Луны, онъ, словно сосудъ высокаго колодца, вѣчно поднимается и опускается, и узоры жизни безсмертны въ своихъ чарованьяхъ и просвѣтленіяхъ.

Твардовскій быль цѣльнымъ во всемъ, и потому онъ не добыча Дьявола, а ключъ свода. Тотъ сводъ широкъ, какъ Небо, и тотъ храмъ безсмертенъ, какъ жизнь, и въ немъ осуществляется таинство Вѣчной Юности.

На основѣ серебрянаго свѣта луны Твардовскій во плоти чернѣеть какъ точка. Но вѣдь точка есть атомъ, начало, исходъ. Отъ бѣлаго свѣта безгласнаго Цѣлаго къ ликующимъ крикамъ и рыдающимъ гимнамъ нашего великаго человѣческаго я.

И, пожалуй, Твардовскій—не черная точка на кругѣ Луны, а нѣчто иное. Тутъ развернулась особая звѣздная книга души. Твардовскій кометой понесся въ пространствѣ съ Дьяволомъ, но Дьяволъ тутъ былъ прицѣпкой, у кометы былъ страшный змѣйиный хвостъ. И кометный хвостъ полетѣлъ себѣ внизъ по параболѣ, а комета, волею чары, превратилась въ блестящую звѣзду. Мы видимъ ее. Всегда, когда любимъ.

Сполна.

К. Бальмонтъ.

